

/* От редакции. Статья о Короленко написана Розой Люксембург в исправительной тюрьме в Бреславле в июле 1918 года и является предисловием к "Истории моего современника", переведенной ею на немецкий язык и появившейся в немецком издании в конце 1919 года. Перевод статьи т. Люксембург сделан З. А. Венгеровой и любезно предоставлен в распоряжение редакции т. Рязановым. Несмотря на то, что отдельные мнения Розы Люксембург о русской литературе могут быть с успехом оспариваемы (например, о Л. Андрееве) с точки зрения коммунизма, редакция считает нужным познакомить русского читателя с прекрасной по форме и интересной по содержанию и глубокой по мыслям статьей Красной Розы, смятой руками политических немецких изуверов.

1.

"Моя душа, принадлежавшая трем национальностям, нашла, наконец, свою родину; то была прежде всего русская литература", говорит Короленко в своих воспоминаниях. История же этой литературы, которая сделалась для Короленко отечеством, родиной и родной национальностью - так же, как он сам составляет украшение ее, - представляет единственное в своем роде явление.

В течение многих столетий, на протяжении средних веков и новой истории до последней трети восемнадцатого века, в России царила мрачная ночь, кладбищенская тишина, варварство. Не существовало ни образованного литературного языка, ни собственного стихосложения, ни какой-либо научной литературы, ни книжной торговли, ни библиотек, ни журналов; не было никаких центров духовной жизни. Гольфстрем Возрождения, омывший берега всех европейских стран, создавая в них точно волшебной силой цветущий сад мировой литературы, встряхнувшие мир бури Реформации, пламенное дыхание философии восемнадцатого века - все это пронеслось, не затронув Россию. Царская империя еще не обладала никакими органами для уловления световых лучей западной культуры; не было вспаханной духовной почвы, на которой могли бы возрасти зародыши этой культуры. Очень немногочисленные литературные памятники тех времен производят теперь своим странным уродством такое же впечатление как произведения искусства Соломоновых островов или Новых Гебрид; между ними и искусством Запада не существует, повидимому, никакого духовного родства, никакой внутренней связи.

А затем произошло нечто вроде чуда. После нескольких робких попыток создать национальное духовное движение в конце восемнадцатого века, наполеоновские войны зажгли, как молния, духовную жизнь России. Это вызвано было, с одной стороны, глубочайшим поражением России, впервые пробудившим национальное самосознание в царской империи, а затем победами коалиции: русская интеллигентная молодежь проникла в результате этих побед на Запад, в Париж, в сердце европейской культуры и пришла в соприкосновение с новым миром.

Точно в одну ночь расцвела вдруг русская литература, и предстала перед миром завершенная, в сверкающем вооружении, точно Минерва, вышедшая из головы Юпитера, являя самобытную национальную художественную форму, язык, совмещающий благозвучие итальянского с мужественной силой английского и благородством, как и глубокомыслием немецкого, бьющее через край богатство талантов, сверкающей красоты, мыслей и ощущений.

Длинная темная ночь, кладбищенская тишина была только кажущейся, только обманом зрения. Лучи света, проникавшие с Запада, сохранились в виде сокрытой силы, зародыши культуры ждали в земле благоприятного момента, чтобы пустить ростки. Русская литература выступила сразу, как бесспорный член европейской литературы; в жилах ее текла кровь Данте, Раблэ, Шекспира, Байрона, Лессинга, Гете. Она нагнала львиным прыжком пропущенное за сто лет и вступила равноправным членом в семейный круг западной литературы.

До чего изумителен такой ритм в истории русской литературы и какую изумительную аналогию с